

почти англичане

шарлотта мендельсон

почти англичане

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М50

Charlotte Mendelson
ALMOST ENGLISH

Copyright © Charlotte Mendelson, 2013

Перевод с английского *Ю. Балясова*
Художественное оформление *П. Петрова*

Школа перевода
В. Баканова

Мендельсон, Шарлотта.

М50 Почти англичане / Шарлотта Мендельсон ; [пер. с англ. Ю. Балясова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Мировой бестселлер. Romance).

ISBN 978-5-699-85729-6

Марине шестнадцать лет — самый интересный и трудный возраст, когда душа живет ожиданием любви. Марина многое отдала бы за свободную жизнь, вот только мама и бабушки, искренне желая ей добра, делают все, чтобы она и шагу ступить не могла, опекают и душат заботой. Марина решает бежать, но не куда-нибудь, а в специальную школу-пансион. Оказавшись там, она понимает, что совершила ужасную ошибку, но исправить что-либо уже сложно. Разве что знакомство с Гаем Вайни может помочь Марине. Пока молодых людей связывает дружба, но, как знать, возможно, она перерастет в более серьезное чувство. В любом случае Марине надо учиться строить отношения, а главное — ей предстоит понять, что для счастья не обязательно подстраиваться под других — достаточно быть собой.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-85729-6

© Балясов Ю., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Моим дедушкам и бабушкам
и для моих детей.*

Мы в Трансильвании, а Трансильвания — это
не Англия. Наш уклад жизни отличается
от вашего, многое здесь покажется вам странным.

Брэм Стокер,
«Дракула»

Невероятно трудно стыдиться родного дома.

Чарльз Диккенс,
«Большие надежды»¹

¹ Перевод А. Беломорской.

Значения венгерских слов и выражений, употребляемых
в тексте, приведены в конце книги.

Пролог

ЧЕТВЕРГ, 29 ДЕКАБРЯ 1988 ГОДА

Они об этом еще не знают, но волк уже у ворот.

Семь часов, лунный вечер, исход декабря: ужасное время для вечеринки, а гости вот-вот придут. После всех приготовлений и хлопот жильцы квартиры номер два в Вестминстер-корте совершенно выбились из сил, а ведь столько еще нужно успеть! С пяти часов все на ногах: натирают до блеска каждую безделушку, пылесосят полы под многочисленными коврами, раскатывают тесто, нарезают огурцы; дел невпроворот, если хочешь, чтобы вечер прошел безупречно, то есть именно так, как он и должен пройти. Сейчас, пока Маринины бабушки прилегли отдохнуть, она вместе с мамой стоит в своей комнатке перед шкафом, смотрит в зеркало и старается не паниковать.

— А школьный джемпер нельзя надеть? — спрашивает Марина. — Он из овечьей шерсти, это стильно.

— Наверное, недостаточно стильно, — говорит ее мама Лора. — Ты же знаешь, они терпеть не могут... неважно. А как тебе зеленое платье?

— Нелепое.

— Может, длинную юбку? Где она? Ох, а бабушка что говорит?

— Не знаю, — отвечает Марина, и влажный блеск в ее глазах не предвещает ничего хорошего. — Я в любой одежде уродина, я...

Ш. Мендельсон

— Дорогуша, — раздается голос с порога. Розы, Маринина бабушка, и не думает отдыхать: сегодня ей исполняется восемьдесят, и она не из тех, кого стоит разочаровывать. — Как жалко, что ты не хочешь быть красивой. Смотри, что у меня есть.

Марина оборачивается, и Розы протягивает ей блузку: оливковый атлас, расшитый резвящимися газелями.

— Я... — говорит Марина. — По-моему...

— Лора, дорогуша, — добавляет Розы. — Ты тоже сегодня старайся.

С Лориной свекровью нельзя не считаться. Человек без железной воли не стал бы крупной фигурой в мире дамского белья. Лора сглатывает комок.

— Конечно. Я буду стараться.

Нахмурившись, она изучает свое отражение: взмокшие волосы, стыдливо-бледная кожа англичанки, родившейся вдалеке от моря. «Спаси меня», — думает Лора, когда в зеркале мелькает рябая рука.

— Мариночка, может быть, килт?

Та неуверенно кивает и спрашивает вполголоса:

— Мам, я... мы можем поговорить?

В любой другой день у Лоры от этих слов встрепенулось бы сердце, но сегодня бдительность придурилась — все мысли заняты резкой укропа.

— О чем? — рассеянно спрашивает она.

— Это сложно. Я...

— Дорогуша, — снова доносится от двери, — быстрее. Надо ложить *саль-фетки*.

— Иду, — откликается Лора и, повернувшись к дочери, шепчет: — Милая, позже поговорим, обещаю. Хорошо?

Часть первая

1

До чего же людям нравятся вечеринки, особенно по случаю больших юбилеев! Некоторые гости, почти такие же старые и нетерпеливые, как виновница торжества, явились всех раньше с огромными коробками конфет и вызывающе глядят по сторонам. Всякий раз, когда в прихожей раздается звонок, Марина или ее мама бросается к двери. Проще оставить ее открытой, но обитатели Вестминстер-корта озабочены безопасностью, и на то есть причины. Бейсуотер — район с подмоченной репутацией; раз или два за вечер какой-нибудь незнакомец неизменно пытается просочиться в дом. Лучше не испытывать судьбу, поэтому двери закрыты.

Как бы там ни было, внизу, во второй квартире, шум стоит неимоверный. Все едят, курят, сплетничают и знать не знают о незваных гостях.

Глядя на тех, кто спешит укрыться в доме от дождя, зарядившего на убогой улочке, трудно заподозрить этих людей в способности производить столько шума. В Гайд-парке, на дневном моционе, их легко принять за обычных пожилых лондонцев в предвкушении тихого вечера — с чашечкой чая, котлеткой и журналом «Рейдио таймс».

Во всяком случае, сами они видят себя именно так.

А вы подойдите ближе. Их обычное обращение — «дорогуша». Присмотритесь: разве такую жестикуляцию встретишь в Суррее? Как драматичен изгиб их бровей! А волосы, зачесанные назад, разве не наводят на мысли о «Носферату»? Эти люди подчеркнуто официальные, и вместе с тем энергия бьет через край: вы будто попали в театральную костюмерную пятидесятых годов, а не в тесную лондонскую квартиру в полуподвале. В сумках у них — маковые пироги с локоть длиной и пралине в бархатистой обертке, привезенные контрабандой из Берна. Их духи пахнут как воздух в сотне универмагов. Что они говорят? Ни слова, ни звука не разберешь. Их язык совершенно непроницаем — *мегмашитататлан*, *эрёк-кевалошаг*, — а если и услышишь родную речь, то искаженную дактилем: «*Пи-кадилли*», «*сти-ральная машина*», «*Вест-минстер-корт*»; знакомые слова, закрытые снегом, лапником и темнотой.

А, венгерский... Теперь все понятно.

А где же Мариночка, внучка этого дома? Скромно сидит в ногах у бодрой юбилярши, разменявшей девятый десяток? Любезничает с юным бухгалтером, благосклонно выслушивая комплименты в адрес вышитого передника? Только что была здесь и так нарядно одета: конечно, не по последней моде, но, учитывая все обстоятельства... И всегда вежливая — семье есть чем гордиться! Очень странно: куда она подевалась?

— *Бульдог сюлетешнап!* С днем рожденья, Рози! — восклицают гости. — *Кезет чokolом!* Целуем вашу ручку! — Некоторые и целуют: кто ручку,

кто щечку; самых юных подводят к виновнице торжества — выказать почтение.

— Дорогуша, помню тебя *вот*-такой *вы*-шины!

Поглядишь на них, и французы покажутся сдержанными, англичане — неповоротливыми. Поцелуи, дружеские щипки — будто вихрь кружит по квартире, а в центре него два поколения ее обитателей, три старушки и брошенная жена.

Марина, этим вечером известная как «*Ма*-ринака» и «*Ма*-ца», заведует верхней одеждой. Шкафы в прихожей забиты мехами, дубленками и плащами; в комнате двоюродных бабушек море головных уборов поглотило обе кровати. И хотя до Бескрайней Степи им еще далеко, одежды все больше: растут горы беретов и фетровых шляп, прибывают теплые кожистые клешни перчаток.

Воздух в квартире отдает туберозой, тмином и чесноком — неизменным душком центральноевропейского гостеприимства. Марине, впрочем, не до радушия. Последний час все только и делают, что тискают ее щеки, восхищаются красотой ногтей и густотой ресниц, поучают, советуют, сватают. Это выше человеческих сил, а впереди еще целый вечер. Скоро, после краткой передышки, чужие взгляды снова начнут раздевать ее и оценивать, словно какой-нибудь фрукт. Марине не привыкать. Ее с детства учили относиться к расспросам и поцелуям так, будто нет ничего приятнее, — как бы ни колоктало в груди. Вот только Марина уже не та, что раньше. Чужое внимание невыносимо, потому что жизнь превратилась в сплошное несчастье, и винить в этом некого, кроме себя. Марина предала семью, сбежала от них, а теперь отчаянно хочет вернуться.

«Берегись своих желаний».

Это один из мудрых и вдохновляющих принципов, которые она собирает с недавних пор; их уже сорок три — шесть на латыни, — но пользы от них никакой. Они не спасли от худшего в ее жизни выбора: Кум-Эбби, школы-пансиона. Марина захотела стать другим человеком, сбежать всего на два года, а теперь пожинает то, что посеяла.

Осталось пять триместров.

Марина сидит на краю широкой кровати Жужи, младшей из двоюродных бабушек и самой красивой — она спит на шелковых подушках, чтобы не было морщин. «Жужи скривилась бы, если б меня увидела», — думает Марина, вытирая нос и избегая смотреть на свое отражение в зеркале над туалетным столиком. Слезы уродуют, и, чтобы остановиться, она кусает прыпышки на внутренней стороне губы, чувствуя вкус отваги: кровь и железо. Пусть у нее нескладное тело и вездесущие веснушки, нужно быть смелой, несмотря ни на какие изъяны. В их семье женщины всегда были смелыми.

В гостиной (и столовой по совместительству) вечеринка в самом разгаре. Чего тут только нет: холодный суп из кислой вишни, куриный *паприкаш*, лапша в масле, голубцы, краснокочанная капуста, кисло-сладкий огуречный салат, холодный *крумплишалата* с корнишонами, шнитт-луком и горячим *паприкаш* *крумпли* с сосисками. Кто-то поймал последнего в Лондоне карпа (или окуня? или леща?), сделал из него (кажется, все-таки из «него») заливное с морковью, и надо же, несмотря на сомнительное происхождение — не озеро Балатон, а какой-то пруд неподалеку от Вейбриджа, — угощение, по общему мнению, вы-

шло на славу. Розины сестры — непорочная Ильди и красавица Жужа — сияют, как ангелы сквозь туман. Тут и шницель, и паштет из гусиной печени, и польская салями, и любимые Ильдины *полочинта* с начинками на любой вкус: грецкие орехи и ром, творожный сыр, изюм и лимон, и даже (если среди гостей вдруг найдется вегетарианец) шпинат с едва различимой ноткой бекона. Кто-то принес огромный, кольцом закрученный бычий язык, на вид ровно такой, как вы и боялись. А в темной кухне, в дымке розовато-желтого света из окна на общую лестницу, один-одинешенек на блюде чешского хрусталя ждет своего часа гвоздь вечера, кулинарный шедевр — «птичье молоко», *iles flottantes*¹ или *мадармей* — пышногрудый остров из сваренных в сахаре яичных белков, наполовину утопленный в море ванильного крема.

— Прекрасно! — восклицают гости: одно из редких понятных слов в непроницаемой стене разговора. Им приятно, что Ильди в свои восемьдесят два года готовит еду, которую они помнят: пропускает *нокедли* через машинку, рубит оленьи кости, растапливает масло. Ну не дивная ли семейка! Конечно, уже не те, что раньше, но, дорогуша, кто из нас тот? Марина, что ни говори, ужасно хорошо воспитана: такая уважительная, такая вежливая; недавно поступила в школу для английских аристократов — и кто знает, чем все обернется.

Среди гостей уйма кузенов с уменьшительными именами одно сумасбродней другого: Пуби, Гоби, Лоци. Один из них явился с супругой, которая зажала у окна Лору и учинила допрос.

¹ Плавучие острова (*фр.*).